Ты сам себе тогда погибели искал.
Сперва казался нам почти под небесами,
Вдруг видим мы тебя упадша вверх ногами.
Я говорил тебе: «Послушайся меня,
Пожалуй, поскорей слезай долой с коня.
А как, мой друг, твои желанья неудачны,
То скройся поскорей во рвы химеры мрачны.
Там можешь оперы ты ставить наподряд,
Поборники твои[4] похвалят весь твой склад,
Но свету сообщать их не имей повадки,
И знай, что все твои творенья будут гадки».
Лишь на Парнасе стал твой Музам виден лоб,
Вещали все они: «Конечно, протопоп.
Аввакум,[5] сволочь всю к писанью поощряет
И православие все наше развращает».
Талия тут рекла: «Мне кажется, дергач
К нам залетел сюда, иль площадной рифмач».
«Сестрица! — все рекли, сей глас есть глас кукушки,
Которой скучен и не стоит ни полушки.
Велим мы ястребам сейчас ее задрать
Иль с наших гор скорей на мрачной дол согнать».
Но лишь возвещено Панасскому собору,
Что новой стиходей на их взобрался гору
С толпою ямщиков и на простом коне,
Приговорили тя карать по сей вине,
Чтоб перьем ты чужим отнюдь не украшался
И впредь сумбур писать никак не покушался.
Я слышал вот какой там сделан приговор:
Пред всеми высечь тя за сумасбродный вздор,
Но отменив, что как одна такая рожа
К затеям таковым быть может токмо гожа,
Постановили: «Чтоб на твой негодный зрак
И на вранье твое плевал писатель всяк,
А чтоб не затевал еще проказы новы,
Велели, заключив тебя сейчас в оковы,
С Парнаса прямо весть в ямскую на кабак
При пенье оперы всей шайкою бурлак,
Дабы касаться впредь не смел парнасска дола
И между Музами не произвел раскола».

---

[4] Из таковых некоторыя и теперь нашлись, кои защищают сию оперу, но сие простительно, ибо рыбак рыбака далеко в плюсе видит.

[5] Аввакум-протопоп был защитник раскольничьей секты, известной под названием аввакумовщины.